

Цинь Яньчэн одной рукой прижал Ши Чжоу, а другой обхватил его затылок, заставив слегка запрокинуть голову и обнажить бледную шею и изящные ключицы. Всё произошло так быстро, что Ши Чжоу даже не успел осознать происходящее — его мысли всё ещё крутились вокруг идеи задушить Цинь Яньчэна подушкой, и он не понимал, что тот задумал сейчас.

Не дав ему опомниться, Цинь Яньчэн резко наклонился и впился зубами в его горло!

Это был поцелуй, больше похожий на укус — жёсткий, с яростным всасыванием, лишённый всякой нежности. В нём бушевала дикая, долго сдерживаемая жажда обладания, словно выпущенный на волю зверь, ослеплённый безумием.

Всё произошло так внезапно, что Ши Чжоу даже не успел подготовиться. От боли он вскрикнул, и голос его сорвался:

— Цинь... Яньчэн! Цинь Яньчэн, ты что творишь... а-а—!

Его дрожащий, взмывающий вверх голос звучал странно соблазнительно, а в сочетании с их позой и происходящим зрелище выходило настолько непристойным, что на это было стыдно смотреть.

Сам Ши Чжоу, услышав собственный голос, покраснел от стыда и тут же начал вырываться, толкая Цинь Яньчэна:

— Цинь Яньчэн! Ты что, собака? Отпусти... мы же перед камерами!

Он забился, и наконец хватка ослабла. Ши Чжоу вздохнул с облегчением: быть при всех атакованным «натуралом», у которого вдруг помутился разум, так что он чуть не довёл его до иступления, — это было выше всякой меры уничительно.

Ши Чжоу в ярости выкрикнул:

— Ты что твори— ммм!!!

Не дав ему договорить, Цинь Яньчэн снова набросился на него, на этот раз прижавшись губами к его губам, разом заткнув ему рот!

Этот поцелуй тоже не был нежным — он словно таил в себе давно копившуюся ярость, пытаясь грубо раздвинуть зубы Ши Чжоу и ворваться глубже!

Ши Чжоу остолбенел: Цинь Яньчэн, похоже, и вправду не шутит. Он стал сопротивляться яростнее, но тот прижал его к кровати с такой силой, что пошевелиться было невозможно.

Что хуже всего — тело Ши Чжоу, словно открыв для себя новый мир, поддалось чарующему аромату Цинь Яньчэна и само потянулось к нему в ответ. Ши Чжоу чувствовал, как его охватывает странный жар, всё тело слабеет...

Сознание уже начало уплывать, но внезапно в памяти Ши Чжоу всплыла та ночь, когда Цинь Яньчэн в беспамятстве едва не задушил его. Это отрезвило его — возможно, нынешние странные действия Цинь Яньчэна снова вызваны каким-то приступом. Страх заставил его снова отчаянно забиться.

Но в глубине души Ши Чжоу всё же не решался ударить Цинь Яньчэна. Одурманенный поцелуем, он в отчаянии стиснул зубы и изо всех сил вонзил их в губы Цинь Яньчэна!

Во рту тут же распространился металлический привкус крови, но Цинь Яньчэн, казалось, даже не заметил этого — он и не думал останавливаться.

Этот поцелуй, пропитанный вкусом крови, был странным, но пугающе завораживающим. Для Ши Чжоу это стало первым опытом близости — пусть и жутковатым, неуместным, но от этого его всё равно пробрала волна сладостного оцепенения. Вдобавок, от растерянности и неловкости он забыл дышать, и нарастающее чувство удушья почти позволило Цинь Яньчэну одержать над ним верх.

— Нет! Даже если первый поцелуй уже не вернуть, уж хотя бы первый глубокий поцелуй должен достаться тому, кто мне нравится!

Собрав последние силы и упираясь изо всех сил в своё упрямство, Ши Чжоу стиснул зубы и вцепился в кончик языка Цинь Яньчэна!

Боль, кажется, мгновенно отрезвила того. Ши Чжоу почувствовал, как хватка ослабла. Цинь Яньчэн замер, на его лице мелькнуло выражение растерянности — будто он и хотел бы продолжения, но теперь не понимал, что происходит.

Пользуясь его замешательством, Ши Чжоу тут же вырвался.

Юркий, как маленький вьюн, он в мгновение ока выскользнул из объятий Цинь Яньчэна.

Ши Чжоу отбежал подальше от кровати и прислонился к стене — ноги его так дрожали, что едва держали, а голос звучал сладко и капризно, будто воркующий.

Но внутри кипела ярость, и сдержаться он не мог. Ши Чжоу буквально подпрыгивал от бешенства:

— Цинь Яньчэн! У тебя мозги окончательно поехали?! Даже если хотел отыграться поцелуем, нельзя было понежнее?! Ты мне всю шею засосал! Как я теперь на передачу выйду, а?!

Что за идиотская логика у этого Цинь Яньчэна?! Даже если я раньше невзначай чмокнул его в губы, неужели он обязан возвращать это с такой яростью?!

...Стоп. Передача?!

Твою ж мать! Камеры же до сих пор работают!

Изначально Ши Чжоу ещё помнил об этом, но после всей этой вакханалии напрочь вылетело из головы.

Зрители в сети уже пребывали в состоянии глубокого шока:

[□□□□□□□□]

[Бляяяя, я уже подумал, что они вот-вот перейдут к контенту 18+ без подписки!]

[Божечки, это было так... горячо. Разве такое можно показывать в эфире?!]

[Быстрее, кто-нибудь, принесите суперклей! Намертво склеить их губы! Замок! Ключ я уже проглотил!]

[Почему остановились на полпути?! Цинь, да ты просто не можешь!]

[Ладно, он же ещё болен, не будем его перегружать... Эй, Ши Чжоу, может, сам сверху? Хе-хе-хе.]

["Сам сверху" — это гениально, ахахаха! Хочу посмотреть! Дайте продолжение!]

[Признаюсь, вы все тут такие похабники... но я - самый развратный из всех!]

Несмотря на то, что двое теперь держались на почтительном расстоянии, зрелище оставалось дьявольски соблазнительным:

Полузадернутые шторы, полумрак комнаты, наводящий на нецеломудренные мысли... А еще губы Цинь Яньчэна, распухшие и окровавленные от укуса Ши Чжоу. Бледные обычно, они теперь алели ярко-алым, резко контрастируя с его ледяным цветом лица и сложным выражением глаз. Весь его облик дышал какой-то ледящей, демонической чувственностью.

Ши Чжоу яростно вытер губы и шею - его кожа всегда краснела и покрывалась следами от малейшего прикосновения, а теперь горло было просто разукрашено алыми пятнами. Добавьте к этому легкую красноту у внешних уголков глаз от нахлынувшего возбуждения, чуть распухшие губы, испачканные кровью Цинь Яньчэна... В общем, картинка была категорически «18+».

Синь Цзин, главный режиссер, наконец осознал, что в кадре творится нечто непотребное, и срочно распорядился отключить их камеру.

— Мать твою, Цинь Яньчэн, ты что творишь?! В прямом эфире наброситься на Ши Чжоу?!

«Черт бы тебя побрал, Цинь Яньчэн, как это тебя Ши Чжоу до смерти не избил?! — мысленно ругался Синь Цзин. — Болел, говоришь? Отдохнуть пришел? Да ты тут чуть ли не в постель его не затащил!»

Если бы не отчаянное сопротивление Ши Чжоу, это шоу рисковало превратиться в порноролик и быть закрытым за нарушение норм морали!

Долгие мгновения они молча смотрели друг на друга, пока сознание Цинь Яньчэна окончательно не прояснилось. Он машинально облизал окровавленные губы —

Что я только что собирался сделать?

Ши Чжоу тем временем всё больше распалялся от возмущения и жгучего стыда. Он явственно ощутил, как что-то твёрдое прижалось к нему, но едва мог в это поверить. Сейчас ему хотелось лишь, как страусу, зарыться головой в песок — ничего не видеть, ничего не слышать.

Не дав Цинь Яньчэну возможности что-либо сказать, Ши Чжоу выбежал из комнаты, с грохотом захлопнув дверь, и зарылся лицом в груды диванных подушек, замерши без движения.

Прошло немало времени, прежде чем жар в его теле наконец улёгся. Медленно перевернувшись на спину, Ши Чжоу так сильно жаждал придушить Цинь Яньчэна подушкой, что даже руки чесались.

Увы, физически он не мог тягаться с Цинь Яньчэном. Да и тот, ещё недавно

демонстрировавший недюжинную силу, теперь вдруг закашлялся, словно хрупкая красавица эпохи Сражающихся царств, — судорожно, с хрипами, едва переводя дыхание.

Ши Чжоу попытался сделать вид, будто не замечает этого, развалившись на диване и играя с телефоном. Он даже обрадовался, вспомнив, что камеры отключены.

Но прошло лишь несколько мгновений, как кашель Цинь Яньчэна принял тревожный оттенок — казалось, вот-вот начнётся приступ астмы.

«Чёрт возьми, — с досадой подумал Ши Чжоу, — ты просто играешь на том, что я не могу пройти мимо чужой слабости, да?!»

Но на такую уловку он действительно велся — оставить больного без помощи он не мог.

Цинь Яньчэн никогда не носил с собой лекарства, поэтому Ши Чжоу, опасаясь внезапного приступа, всегда таскал ингалятор за ним. Подумав, не швырнуть ли ему флакон прямо в лицо, но представив, как тот упрямо откажется им пользоваться, он скрепя сердце вернулся в комнату.

Жар у Цинь Яньчэна разгорелся еще сильнее. Ши Чжоу помог ему приподняться и, ловко встряхнув флакон, приготовился дать лекарство.

— Откуда ты знаешь, как им пользоваться? — после паузы тихо спросил Цинь Яньчэн, и в его голосе было невозможно разобрать, какие эмоции он испытывал.

Неужели он действительно нашел человека, до такой степени похожего на своего бывшего? Даже в таких мелочах...

Если точечный массаж при болях в желудке Ши Чжоу когда-то освоил ради брата, то пользоваться этим ингалятором он научился исключительно из-за Цинь Яньчэна.

Но сейчас он категорически не желал с ним разговаривать. Молча, с раздражением прижав маску к его лицу, Ши Чжоу процедил сквозь зубы:

— Вдыхай!

Напряжение между ними сохранялось до самого вечера. К счастью, Цинь Яньчэн поправлялся быстро и к ночи уже чувствовал себя значительно лучше. Ши Чжоу, развалившись на диване, увлеченно листал WeChat, демонстративно игнорируя его появление.

Вчера Чжэн Ци буквально взорвал его картину мира, и Ши Чжоу был настолько шокирован, что забыл сразу же заблокировать этого идиота.

И вот, похоже, это дало тупому кретину ложную надежду — видимо, он решил, что Ши Чжоу колеблется, и теперь упорно продолжал его доносить:

— Я видел твой сегодняшний эфир. Ши Чжоу, теперь-то ты понял, каков Цинь Яньчэн на самом деле? За всё время наших отношений я ни разу не принуждал тебя в постели.

Ши Чжоу закатил глаза. Ну конечно, именно об этом и надо напоминать, да? После моего позора в эфире?

Да, оригинального Ши Чжоу ты не насиловал — ты его избивал. Лично я бы предпочёл, чтобы меня прижал к кровати красавец, даже если придётся считать, что нанял дорогую проститутку, чем терпеть побои от скотины.

Чем больше Чжэн Ци разглагольствовал — то слюняво вспоминал «былые чувства», то прозрачно намекал, что нужно отравить Цинь Яньчэна и инсценировать несчастный случай — тем сильнее у Ши Чжоу стыла кровь. Как человек может опуститься до такого?

В конце концов он не выдержал и ответил:

— С чего ты взял, что тебя можно вообще сравнивать с Цинь Яньчэном?

— Ты выше его? Красивее? Богаче? По-моему, у тебя только лицо шире.

— Он никогда не поднимет на меня руку, не выгонит босиком в пижаме на зимний мороз и не заставит меня ходить по струнке, боясь лишний раз вздохнуть.

— Тьфу! Ты сейчас ностальгируешь не по нашим старым чувствам, а по своим грязным фантазиям про Цинь Яньчэна. Хватит уже тошнить этим! Смеешь — так иди и скажи ему всё это в лицо!

Эта ярость принадлежала не только ему — Ши Чжоу высказал то, что копилось у оригинального хозяина тела. Тот жалкий парень должен был во всём подражать Цинь Яньчэну, и малейшая ошибка в "роли" приводила к побоям.

Оригинал легко распускал нюни. Если бы нынешний Ши Чжоу по неосторожности разрыдался, Цинь Яньчэн разве что на мгновение застыл бы в растерянности — возможно, даже дрогнул. Но для Чжэн Ци это было недопустимым отступлением от образа: в юности Цинь Яньчэн был холоден как лёд, и слёзы "испортили сцену".

Стоило бедняге расплакаться — и Чжэн Ци в бешенстве хватал его за волосы, осыпая пощёчинами. Чем сильнее бил — тем горше рыдал подчинённый: от природы робкий, он и физически не мог сдержать слёзы. Замкнутый круг.

А потом — классический "кнута и пряника": крокодильи слёзы о "раскаянии", обещания "больше не повторится"... И сразу же — деньги, ресурсы, чтобы привязать жертву материально. Ведь нужно же было оплачивать долги младшего брата-паразита, сидевшего на шее у оригинала.

Большинство читателей оригинального романа, естественно, сопереживали главному герою Сун Дуаньяню — все возмущались, как его обманывали, водя за нос, в то время как "дублер Ши Чжоу" тихо страдал за кулисами.

Но из-за совпадения имени наш Ши Чжоу куда больше внимания уделил именно этому второстепенному персонажу-дублеру.

В отличие от Суна, его не обманывали в чувствах — он прекрасно всё понимал. Ему приходилось смотреть, как любимый человек с энтузиазмом ухаживает за другим. Если у Чжэн Ци что-то шло не так в отношениях с Сунем — дублер получал побои "за плохую игру".

И что самое мерзкое? Многие читатели аплодировали этому, считая его "зловредной третьей стороной", мешающей "истинной любви". В их глазах он был конкурентом, который — о ужас! — тоже любил этого подонка и иногда даже перетягивал его внимание на себя.

Ши Чжоу тогда подумал: на самом деле оба — и дублер, и Сун — были жертвами. Просто им не повезло столкнуться с этим человеческим отбросом, который умел только сеять несчастье вокруг себя.

Мысли становились всё яростнее. Изначально Ши Чжоу считал, что такой тип не стоит даже его плевка, но... этот урод сам лезет под горячую руку!

Воспользовавшись скоростью, натренированной в киберспорте, Ши Чжоу обрушил на Чжэн Ци шквал сообщений, заставляя того вспомнить каждую свою мерзость.

Чжэн Ци скрипел зубами, читая поток ядовитых сообщений от Ши Чжоу. Этот вдруг вспомнил все — даже тот случай год назад, когда его выставили за дверь на несколько часов в новогоднюю ночь.

С каких пор он стал таким злопамятным?

Раньше Ши Чжоу терпел всё, и единственный его бунт был связан с Сун Дуаньянем. Но сейчас — ни слова о Суне! Вместо этого он цеплялся к мелочам, которые раньше даже не замечал...

Неужели это новый способ манипуляции? Намекает, что всё ещё ревнует, но теперь делает это тоньше?

Тем временем Ши Чжоу продолжал печатать с бешеной скоростью:

— Чжэн Ци, разве ты не знаешь, что расплата всегда наступает? Ты заслуживаешь не только банкротства — тебе давно пора сдохнуть.

— Будь я Цинь Яньчэном, я бы не ограничился такими полумерами. Ты — мусор, который зря занимает место на этой земле.

— Ты говорил, что Цинь Яньчэн лишь «временно мной увлечён»? Что ж, пока он ещё «увлечён», я обязательно уговорю его преподать тебе урок хороших манер. Как тебе такой план?

Этот прежде покорный и безропотный дублёр осмелился так разнузданно дерзить?! Чжэн Ци считал, что уже несколько дней достаточно унижался, пытаясь "образумить" Ши Чжоу, но вместо ожидаемого раскаяния получил лишь наглую ответную агрессию.

Его и без того вспыльчивый характер воспламенился яростью. Чем больше он перечитывал сообщения, тем сильнее бешенство охватывало его. В порыве гнева он схватил стеклянную пепельницу со стола и со всей силы швырнул её на пол — хрустальные осколки разлетелись по всему кабинету!

Как раз в этот момент Сун Дуаньянь, теперь работавший у него секретарём, постучал и вошёл с подносом кофе. Острые осколки едва не поранили его.

Не успел Сун опомниться от шока, как Чжэн Ци уже вцепился в офисный принтер. С оглушительным грохотом "БАМ!" устройство разлетелось на запчасти, усыпав пол обломками.

— Этот сукин сын! — бешено орал Чжэн Ци, трясясь от ярости. — Он же клялся, что вечно будет любить только меня! Почему?! КАК ОН ПОСМЕЛ?!

— Чжэн... Чжэн Ци, — робко начал Сун, никогда не видевший таких диких сцен. Страх смешивался в нём с возмущением, — Неужели из-за Ши Чжоу ты...

Он всегда был мягким и кротким, но даже у него лопнуло терпение. Чжэн Ци до сих пор гонялся за Ши Чжоу, а теперь бесновался из-за отказа?!

— ЗАТКНИСЬ! Ты кто вообще такой, чтобы учить меня?! — взревел Чжэн Ци, сметая со стола папки с документами.

Голос Чжэн Ци буквально оглушал, а его лицо, искажённое яростью, выглядело пугающе. Сун Дуаньнянь так перепугался, что его глаза мгновенно покраснели от обиды, а слёзы застыли на ресницах, отчего Чжэн Ци раздражённо сжал зубы.

Череда неудач — разорванная цепочка финансирования, угроза банкротства, насмешки и унижения, постоянные провалы на совете директоров, всё шло наперекосяк...

Накопившийся гнев Чжэн Ци наконец нашёл выход:

— Ты, чёрт возьми, только и умеешь, что реветь! На что ты ещё годишься?! Ничтожество!! Сидишь дома целыми днями и только готовишь — да ты ничем не лучше прислуги!

— И как ты посмел вспомнить Ши Чжоу? Даже он в тысячу раз лучше тебя! Ты что, моложе его или красивее? Посмотри, какие у него сейчас тренды и статистика! Ты представляешь, сколько он сейчас стоит?!

Сун Дуаньнянь на мгновение остолбенел, а затем, задыхаясь от гнева, спросил:

— Значит... теперь я для тебя старый и уродливый? У меня была работа! Как я её потерял, а?! Если бы обычный человек мог быть красивее знаменитости —

— Заткнись, чёрт возьми! — Чжэн Ци в ярости хлопнул дверью и выбежал из комнаты.

Слёзы Сун Дуаньняня текли без остановки. Он снова вспомнил Ши Чжоу, вспомнил тот «сон», о котором тот говорил на корпоративе Qixing. Его пальцы бессильно вцепились в край рубашки.

Ши Чжоу, наслаждаясь тем, как отчитал Чжэн Ци, поднял голову и увидел, что Цинь Яньчэн сам надел свой нелепо-милый фартук и собрался готовить. После дневного сна он выглядел лучше, но всё ещё чувствовал слабость.

Ши Чжоу поспешно остановил его:

— Эй-эй-эй! Ты уже полностью выздоровел? Температура спала?

Раньше Ши Чжоу тут же приложил бы руку ко лбу Цинь Яньчэна, но после сегодняшнего неловкого инцидента, о котором так явно напоминала ранка на его губе, он лишь почесал затылок, смущённо прокашлялся и спросил:

— Кхм-кхм... Ну, ты... температуру мерил? Какая?

Цинь Яньчэн, заметив, что Ши Чжоу избегает его взгляда, ответил уклончиво, спокойным тоном:

— Что будешь есть на ужин?

Ши Чжоу не мог позволить больному готовить для него:

— Пусть Бянь Шуай что-нибудь купит. Ты иди отдохни. Давай, возвращайся в комнату, а? Босс Цинь...

Он не мог смотреть на Цинь Яньчэна, не вспоминая тот момент. Пальцы ног невольно сжимались от стыда, а тело, будто распробовав что-то новое, предательски нагревалось. Всё это было ужасно.

Цинь Яньчэн вздохнул. Редкий случай — он не знал, как подобрать слова:

— Тогда я... прости...

Весь вечер между ними витала гнетущая тишина.

Цинь Яньчэн знал Ши Чжоу — беспечного, незлопамятного. Тот, скорее всего, проспит и забудет, снова став прежним весёлым человеком. Но сам Цинь Яньчэн забыть не мог. Всё явственнее ощущалось, как ситуация выходит из-под контроля.

Сообщение от Синь Цзина, написанное с игривой ухмылкой:

«Цинь Яньчэн, поздравляю, наконец-то зацвёл! Да ещё и на глазах у всей публики! Это просто шедевр! О-хо-хо! Хоть ты и чуть не угробил мою передачу из-за откровенного контента, но, думаю, скоро можно будет выпить на твоей свадьбе, так что я великодушно прощаю тебе этот косяк! Когда распишетесь?»

Цинь Яньчэн холодно ответил четырьмя иероглифами:

«У него есть парень.»

Синь Цзин тут же парировал:

«Не может быть! Если и есть, то отношения точно не ахти! Кто бы позволил своему парню флиртовать на камеру с другим мужиком? Да и вообще, Ши Чжоу так о тебе заботится, что мне самому завидно.»

Цинь Яньчэн глубоко вдохнул и наконец решил кратко изложить Синь Цзину то, что гложило его все эти дни:

«Его парень умер. 27 лет. Остановка сердца.»

На той стороне Синь Цзин на секунду застыл, а затем сразу понял, к чему клонит Цинь Яньчэн:

«Думаешь, ты стал заменой? Нет-нет-нет... Это ещё менее вероятно! Во-первых, Ши Чжоу по своей натуре не способен на подлость вроде поиска замены. А во-вторых, даже если бы кто-то другой попробовал — кто посмел бы использовать тебя в качестве замены? Это же чистое самоубийство!»

Цинь Яньчэн промолчал, и Синь Цзин продолжил:

«Смотри-ка, ты забеспокоился! Ты ревнуешь! Если у тебя появилась такая нелепая, оторванная от реальности мысль, будто ты — замена, то причина может быть только одна! Ты! В него!

Влюблѐн!»

Сердце Цинь Яньчэна резко дрогнуло, будто его поймали на чём-то сокровенном. Не успев даже обдумать, он тут же ответил:

«Не может быть.»

Следующий вопрос Синь Цзина, конечно же, был:

«Почему?»

Почему? Он и сам не знал почему. Просто чувствовал, что так не должно быть.

Чтобы жить хотя бы отчасти как обычный человек, Цинь Яньчэн всегда сковывал себя крайней степенью самоконтроля, держа эмоции в рамках условной нормы. Но с Ши Чжоу он раз за разом терял управление, совершая один нерациональный поступок за другим.

Синь Цзин тут же написал:

«Ну ладно, если не возьмѐшься за ум, и Ши Чжоу вдруг уведет кто-то другой — потом сам в подушку реви!»

Цинь Яньчэн опустил взгляд на эти строки, и в груди необъяснимо сжалось — опять это странное чувство потери контроля, когда эмоции выходят из-под власти.

Ши Чжоу, похоже, всё ещё дулся — в такой поздний час он так и не вернулся в комнату.

Цинь Яньчэн отложил телефон, встал и вышел в гостиную. Там он увидел Ши Чжоу, зарывшегося в груды декоративных подушек на диване. Тот спал безмятежно: длинные ресницы, словно крошечные веера, лежали на щеках, ноздри слегка раздувались в такт дыханию.

На журнальном столике стояли любимые Ши Чжоу крылышки и бургер. Цинь Яньчэн нахмурился: «Придѐтся всё-таки готовить самому, нельзя позволять ему есть эту вредную дрянь».

Будить Ши Чжоу он не стал, лишь осторожно, стараясь не шуметь, вытащил его из подушечного гнезда и поднял на руки.

Ши Чжоу, видимо, в полусне испугался, что его уронят, поэтому инстинктивно обвил руками Цинь Яньчэна, сладко крякнул и уткнулся лицом в его грудь.

На улице уже давно стемнело, даже камеры повсюду были выключены.

После дождя ночное небо было таким ясным, что казалось, будто звѐзды беззвучно перетекают по нему. Обычно пустынные ночные часы сейчас наполняли Цинь Яньчэна странным чувством покоя и нежности.

Возможно, атмосфера была слишком идеальной, слишком подходящей — его сердце билось учащённо. Он опустил взгляд на слегка приоткрытые во сне влажные губы Ши Чжоу и, сам не понимая как, коснулся их лёгким, едва заметным поцелуем.

Авторское примечание:

Ладно, признаю, на этот раз никто не видел твоих тайных действий (:з☹)

Зрители за экранами: Поднимаем руку! Мы-то видели!

<http://bllate.org/book/12639/1121029>